

УДК(UDC)930.2:821.124*04(432.1)-94]:929 Владимир

DOI: 10.26565/2309-6608-2019-17-02

Перечитывая Титмара Мерзебургского: *lumbare venereum* и другие пороки князя Владимира

Александр Роменский

Статья посвящена интерпретации сообщений Титмара Мерзебургского о князе Владимире Святославиче. Проведен источниковедческий анализ информации саксонского епископа о недостатках и греховных страстях «короля Руси». Образ Владимира – не единственный, освещенный негативно среди персонажей хроники, близким к нему антигероем является польский князь Болеслав Храбрый. Рассмотрена полемика об обстоятельствах брака с порфирородной Анной в контексте обвинений саксонского хрониста о "коварном похищении" князем невесты. Уточняются причины анахронизма, допущенного автором хроники. Акцентировано внимание на дискуссии о *lumbare venereum* как детали княжеского туалета. Опровергнута версия о *lumbare* как фаллическом амулете или элементе эротической магии. Речь идет скорее о перевязи, которая предназначалась для подавления плотских страстей в контексте византийской аскетике. Параллели свидетельству Титмара можно найти в византийской и южнославянской агиографии, а также западноевропейской и исламской мистической литературе. Ношение предметов на половых органах использовалось как юродивыми в византийской и славянской традиции, так и дервишами-каландари в исламском мире. Примечателен образ Св. Франциска Ассизского, проповедовавшего в одной набедренной повязке. Однако в случае с князем перевязь не была рассчитана на провокационную демонстрацию, иллюстрируя внутреннее смирение перед Богом. Привлекается внимание к топосу о щедрости князя в контексте традиций варварских обществ раннего средневековья. Щедрость и дары во время пира были одними из самых востребованных ценностей правителя как в странах Скандинавии, так и в Восточной Европе.

Ключевые слова: Русь, раннее средневековье, князь Владимир, Титмар Мерзебургский, *lumbare venereum*, византийская аскетика.

Об авторе: Роменский Александр Александрович; кандидат исторических наук; независимый исследователь.

e-mail: alexandrosromensky@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0936-3740

Про автора: Роменський Олександр Олександрович; кандидат історичних наук; незалежний дослідник.

e-mail: alexandrosromensky@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0936-3740

About the author: Romensky Alexander; PhD (History), independent researcher.

e-mail: alexandrosromensky@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0936-3740

© А. А. Роменский, 2019

роника в восьми книгах, составленная епископом города Мерзебурга Титмаром, заслуженно считается одним из ключевых и наиболее достоверных источников по истории Восточной Европы последней четверти X – начала XI в. Высокая репутация труда саксонского архиепископа объясняется тем, что он был непосредственным современником русских князей Владимира, Святополка и Ярослава, работая над своим произведением в 1012–1018 гг. (Holtzmann 1935, XXVIII–XXX). Знатность рода, личные связи со многими из «сильных мира сего», доступ к документам и воспоминаниям очевидцев обеспечивают аутентичность его сведений. Исследователи полагают, что информацию о Руси Титмару предоставил один из саксонских рыцарей – участников похода Болеслава на Киев в 1018 г., чей рассказ был записан автором «по горячим следам», а возможно, и кто-то из окружения бежавшего на Запад киевского князя Святополка (Sverdlov 1976, 111–112; Nazarenko 1993, 131–133; Nazarenko 2001, 439–441). Неудивительно, что каждое слово немецкого хрониста, являвшегося внимательным и тщательным историком, неоднократно дополнявшим свой труд, обретает особую ценность. В этом свете заслуживает переосмысления характеристика личности князя Владимира Святославича, содержащаяся в VII книге хроники (Thietm. VII, 72–74).

Специалисты давно обратили внимание на двойственность образа «короля Руси»: с одной стороны, он пополняет перечень отрицательных персонажей хроники (Титмар осуждает несправедливость и распутство киевского князя), с другой – не лишен некоторых добродетелей, прежде всего нищелюбия и щедрости. Владимир не одинок в склонности к безнравственным поступкам, сближаясь в этом амплуа с еще одним антигероем, Болеславом Храбрым. Объясняя этот парадокс, А. В. Назаренко предположил, что текст § 72–73 и § 74 главы VII имеет различное происхождение: информация главы VII, 72–73 получена от бежавшего в 1016–1017 гг. в Польшу князя Святополка или его окружения (Владимир показан «жестоким распутником» и «беззаконником»), тогда как сведения о милостынях Крестителя Руси, вероятно, принесены кем-то из саксонцев-участников похода на Киев в 1018 г. (Nazarenko 2001, 439–441). А. Е. Мусин подчеркнул роль «мигрирующей устной традиции», передатчиком которой, не исключено, стал школьный товарищ и друг Титмара, Бруно Кверфуртский (Musin 2016, 171–180); отметим, что против этой гипотезы свидетельствует комплиментарная характеристика, данная Владимиру в письме самого Бруно, который воздержался от пересказа легенд, порочащих облик князя. А. В. Поппэ полагает, что известия о гипертрофированной сексуальности правителя были позаимствованы саксонцем-информатором из досужих сплетен, передающихся на киевских улицах (Porre 2008, 44). Так или иначе, описанный Титмаром портрет князя-женолюбца в основных интенциях весьма сходен с летописным, хотя и не несет характерной для ПВЛ однозначной дидактической направленности.

Приглядимся внимательнее к порокам Владимира в изложении хрониста. Первый упрек, который Титмар адресует князю, — коварное похищение невесты у Оттона III — неизменно приводил историков в недоумение. Автор допускает ошибку, называя супругу киевского правителя Еленой (Thietm. VII, 72). Известно, что переговоры о браке «дочери святой империи» с наследником германского престола Оттоном II в 968 г. вел Лиутпранд Кремонский, оставивший подробное описание своей неудачной миссии. На встрече с куропалатом Львом Фокой, братом василевса Никифора, в присутствии паракимомена Василия Лакапина Лиутпранд услышал отказ, аргументированный отсутствием прецедента брака порфирородной дочери Романа II с чужеземцем (Liutpr. Legatio XV). За этой обычной для ромеев напыщенной риторикой скрывались политические трения двух держав в Италии. В 972 г. супругой Оттона II стала другая византийская принцесса Феофана, чей статус, однако, был существенно ниже — она не была рождена в порфире являясь лишь племянницей нового василевса Иоанна Цимисхия (Schramm 1924, 424–425; Dölger 1949, 646).

Титмар упоминает о возмущении этим фактом части королевских придворных, которые советовали отослать девушку назад (Thietm. II, 16 (10)). Следующий германский король Оттон III также не преуспел в сватовстве к одной из дочерей ромейского василевса-соправителя Константина VIII, но это произошло в 995 г., существенно позже бракосочетания Владимира и Анны (Nazarenko 1993, 164–165). Разрешая этот казус, некоторые исследователи предполагают, что у Анны имелась старшая сестра по имени Елена (к которой ранее сватался Оттон II (Porre, Porre 1976, 454; Nazarenko 2001, 258–260)) однако источники умалчивают о ее существовании¹. Так или иначе, Титмар допускает явный анахронизм, не будучи достаточно осведомленным в тонкостях матриониальной политики византийского двора.

Хронист критикует жестокое распутство киевского князя и его «насилия над слабыми данайцами» (Thietm. VII, 72), под которыми, как можно полагать, подразумевался поход в Таврику и овладение Херсоном в 988 году. Значительно больше внимания уделяется судьбе друга автора, епископа Рейнберна, сопровождавшего дочь польского короля Болеслава в ходе ее брака с приемным сыном Владимира Святополком (Nazarenko 1993, 167–170). Неудачная попытка захвата власти, предпринятая последним около 1013 г., закончилась арестом и заключением в темницу самого Святополка, его супруги и ее духовного наставника. Сведения Титмара объясняют причину напряжения в русско-польских отношениях и вовлеченности Болеслава в борьбу за власть в Киеве.

Наиболее парадоксальным выглядит сообщение о «венеринном набедреннике», якобы усугублявшем склонность Владимира к блуду. А. Е. Мусин детально исследовал вопрос о сексуальности Владимира и возможных трактовках этого уникального известия. «Lumbare venegeum», видимо, представлял собой некую перевязь по примеру византийских брачных поясов. Исследователь предполагает и другую интерпретацию – возможную связь с ритуальными практиками любовной магии и соответствующими археологическими артефактами фаллообразной формы, языческим обрядом инициации. По его мнению, князь мог носить некий эротический амулет, не обязательно имеющий форму повязки или перевязи (Musin 2016, 180–189).

На наш взгляд, возможно иное объяснение этого загадочного термина. Прежде всего необходимо довериться источнику в том, что набедренник связан с повязкой или перевязью, на что указывает контекст использованной Титмаром евангельской цитаты (Лк. 12:35). Предполагать в нём некий фаллический любовный амулет нет оснований, хотя, безусловно, нельзя исключить распространение эротической магии в Киеве начала XI в. Однако, как представляется, функциональное назначение перевязи могло быть принципиально иным — она не разжигала плотские страсти, а, напротив, служила для их усмирения.

В византийской аскетической традиции встречаются сведения о ношении разнообразных предметов (кольца, колокольчики) на половых органах, особенно характерном для юродивых, нередко таким провокативным образом подчеркивающих отречение от мира. Упоминания об этой форме своеобразной аскезы в империи ромеев прослеживаются, начиная с XII в.; они имеются и в агиографической литературе восточных и южных славян (Ivanov 2005, 236–237). Демонстративное унижение становилось одной из форм

¹ Недавно появилась еще одна попытка объяснить этот источниковедческий парадокс, которая, однако, не представляется удачной: Е. В. Верещагина полагает, что византийская принцесса имела два имени, одно из которых тайное, молитвенное, а другое — официальное (Vereshchagina 2017, 395–399). Отметим, что подобная двуименность в Византии не прослеживается по источникам. Смена имени встречалась лишь при переходе в монашество либо — крайне редко — при возведении василевса на трон (случай со Львом III Исавром, Кононом до прихода к власти). Кроме того, даже если принять гипотезу исследовательницы, непонятно, почему «тайное» имя стало известно саксонцам — участникам похода 1018 г. и через них Титмару Мерзбургскому. Предположение о том, что имя Елены было указано на саркофаге в Десятинной церкви (Nikitenko, Vereshchagina 2009, 10), маловероятно: сохранившийся аналогичный саркофаг Ярослава Мудрого, имеющий византийское происхождение, никаких надписей не содержит.

умерщления плоти, избавление от чувственности приближало, в видении современников, к духовному совершенству. Нельзя исключить в этом вопросе более раннего влияния на византийскую аскетику исламского мистицизма, примера бродячих дервишей-каландари (хотя доказать это крайне трудно). Однако всё же более близким к Владимиру Святославичу представляется западный пример св. Франциска Ассизского (1181–1226), проповедовавшего в одной набедренной повязке и таким образом экстравагантно демонстрировавшего свое смирение и самоуничужение (Ivanov 2005, 339–340, 357–358). Разумеется, не приходится прямо отождествлять правителя государства с бродячими отшельниками в византийской, исламской или западной традиции. Препоясывание перевязью в случае с Владимиром, несомненно, не было рассчитано на провокативную демонстрацию, подчеркивая лишь внутреннее смирение перед Богом. Нет ничего удивительного в том, что Титмар неверно интерпретировал доносившиеся до него слухи о необычных деталях туалета князя.

Если наша гипотеза верна, то случай с киевским князем является одним из самых первых примеров подобных аскетических опытов. Лишь столетие спустя такая практика получает распространение на православном Востоке и католическом Западе.

Не преминув укорить «короля» в распутстве, Титмар в той же главе упоминает о его стремлении смыть грех щедрой милостыней. Похоже на то, что в этом случае мы снова имеем дело с неточным истолкованием. Безусловно, князь мог следовать евангельскому контексту, о котором упоминает и Начальная летопись (Lavrentievskaya letopis' 1926, 125–126). Однако не менее важным является то обстоятельство, что щедрость правителя являлась одним из наиболее ценимых его качеств в варварском мире раннего средневековья. Обильные пиры и дары дружине были значимой частью конструирования политического имиджа князя, имели и ритуально-сакральную функцию, объединяя вокруг князя всю верхушку социума русов, наконец, служили для обсуждения и решения текущих задач государственного администрирования (Litvina, Uspenskiy 2018, 8–71). Подтверждаемая различными источниками щедрость крестителя Руси вписывается, таким образом, и в языческую дружинную, и в христианскую смысловую парадигму.

Приведенные интерпретации, при всех их неоднозначности, еще раз доказывают, что информационный потенциал давно введенного в научный оборот источника далеко не исчерпан. Выход за рамки конкретной письменной традиции и более широкое применение компаративистского подхода может привести к изменению наших представлений о Руси и ее правящей элите в X–XI вв.

REFERENCE

- Dölger Fr. 1949: Wer war Theophano. *Historisches Jahrbuch* 62, 646–658.
- Holtzmann R. (Hgb.). 1935. Die Chronik des Bishofs Thietmar von Merseburg und ihre korveier Überarbeitung. MGH SS rer. Germ. 9. Berlin.
- Ivanov S. A. 2005: Blazhennye pokhaby: kul'turnaya istoriya iurodstva. Moskva. (In Russian).
- Иванов С. А. 2005: Блаженные похабы: культурная история юродства. Москва.
- Lavrentievskaya letopis' 1926: Polnoe sobranie russkikh letopisei [Full Collection of Russian Chronicles] 1. Leningrad. (In Russian).
- Лаврентьевская летопись 1926: ПСРЛ 1. Ленинград.
- Litvina A. F., Uspenskiy F. B. 2018: Pokhvala shchedrosti, chasha iz cherepa, zolotaya luda... Kontury russko-variashskogo kul'turnogo vzaimodeistviia. Moskva. (In Russian).
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. 2018: Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. Москва.
- Musin A. E. 2016: Knyaz' Vladimir Sviatoy i kultura Kievskoy Rusi glazami Merzeburgskogo. Knyazha doba: istoriya i kultura [Princely era: History and Culture]. 10, 165–198. (In Russian).
- Мусин А. Е. 2016: Князь Владимир Святой и культура Киевской Руси глазами

- Титмара Мерзебургского. Княжа доба: історія і культура. 10, 165–198.
- Nazarenko A. V. 1993: Nemetskie latinoyazychnye istochniki IX–XI vekov. Teksty, perevod, kommentariy. Moskva. (In Russian).
- Назаренко А. В. 1993: Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. Тексты, перевод, комментарий. Москва.
- Nazarenko A. V. 2001: Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh. Mezhdistsyplinarnye ocherki kulturnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey IX – XII vekov. Moskva. (In Russian).
- Назаренко А. В. 2001: Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII вв. Москва.
- Nikitenko N. M., Vereshchagina N. V. 2009: Problema imyanarecheniya knyazya Vladimira v svete novykh issledovaniy. Medievistyka [Medieval Studies]. 5, 6–30. (In Russian).
- Никитенко Н. М., Верещагина Н. В. 2009: Проблема имянаречения князя Владимира в свете новых исследований. *Медієвістика*. 5, 6–30.
- Poppe A. V. 2008: Vladimir Sviatoi. U istokov tserkovnogo proslavlenniya. Fakty i znaki. Issledovaniya po semiotike istorii [Facts and Signs. Researches on Semiotics of History]. 1, 40–107. (In Russian).
- Поппэ А. В. 2008: Владимир Святой. У истоков церковного прославления. Факты и знаки. *Исследования по семиотике истории*. 1, 40–107.
- Poppe A., Poppe D. 1976: Dziewosłęby o porfirogenetkę Anne. In: Cultus et cognitio. Warszawa, 451–468.
- Schramm P. E. 1924: Kaiser, Basileus und Papst der Ottonen. *Historische Zeitschrift*. 129, 424–475.
- Sverdlov M. B. 1976: Izvestiya o Rusi v khronike Titmara Merzeburgskogo. In: Drevneyshye gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1975 god [Ancient States on the Territory of USSR. Materials and Researches], 102–112. (In Russian).
- Свердлов М. Б. 1976: Известия о Руси в хронике Титмара Мерзебургского. Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1975 г., 102–112.
- Vereshchagina N. V. 2017: Dve Eleny v istorii Rusi. *Scriptorium nostrum*. 2(8), 386–407. (In Russian).
- Верещагина Н. В. 2017: Две Елены в истории Руси. *Scriptorium nostrum*. 2(8), 386–407.

Резюме

Роменський О. О. *Перечитуючи Титмара Мерзебургського: lumbare venereum та інші вади князя Володимира*

Стаття присвячена інтерпретації повідомлень Титмара Мерзебургського про князя Володимира Святославича. Проведено джерелознавчий аналіз інформації саксонського єпископа про недоліки й гріховні пристрасті “короля Русі”. Образ Володимира — не єдиний негативно змальований серед персонажів хроніки, близьким до нього антигероєм є польський князь Болеслав Хоробрий. Розглянуто полеміку про обставини шлюбу з порфірородною Анною у контексті звинувачень саксонського хроніста щодо «підступного викрадення» князем нареченої. Уточнюються причини анахронізму, допущеного автором хроніки. Акцентовано увагу на дискусії щодо *lumbare venereum* як деталі княжого туалету. Спростовано версію про *lumbare* як фалічний амулет чи елемент еротичної магії. Йдеться радше про перев'язь, яка мала гамувати плотські пристрасті у контексті візантійської аскетички. Паралелі до свідчення Титмара можна знайти у візантійській та південнослов'янській агіографії, а також західній та ісламській містичній літературі. Носіння предметів на статевих органах використовувалося як юродивими у візантійській та слов'янській традиції, так і дервішами-каландарі в

ісламському світі. Прикметним є образ Св. Франциска Ассізького, що проповідував, маючи лише пов'язку на стегнах. Проте у випадку з князем перев'язь не була розрахована на провокативну демонстрацію, унаочнюючи внутрішнє смирення перед Богом. Привертається увага до топосу про щедрість князя у контексті традицій варварських суспільств раннього середньовіччя. Щедрість та дари під час бенкету були одними з найбільш поціновуваних цінностей володаря як у країнах Скандинавії, так і в Східній Європі.

Ключові слова: Русь, раннє середньовіччя, князь Володимир, Тітмар Мерзебурзький, *lumbare venereum*, візантійська аскетика.

Summary

A. Romensky. *Re-reading Thietmar of Merseburg: lumbare venereum and other sins of prince Vladimir*

The article is devoted to the interpretation of the messages of Thietmar of Merseburg about Prince Vladimir Svyatoslavich. A source analysis of the information of the Saxon bishop about the shortcomings and sinful passions of the “king of Rus” was carried out. Among the characters of the chronicle the image of Vladimir is not the only one, illuminated negatively, the anti-hero close to him is the Polish prince Boleslaw the Brave. The controversy about the circumstances of the marriage with Anna Porphyrogenita in the context of the accusations of the Saxon chronicler about the “insidious abduction” of the prince of the bride. The reasons for the anachronism allowed by the author of the chronicle are specified. The attention is focused on discussions about the *lumbare venereum* as details of the princely toilet. The version about *lumbare* as a phallic amulet or an element of erotic magic has been disproved. It is rather a bandage, which was intended to suppress the carnal passions in the context of Byzantine asceticism. The parallels to the testimony of Thietmar can be found in Byzantine and South Slavic hagiography, as well as in Western European and Islamic mystical literature. The wearing of items on the genitals was used both by the holy fools in the Byzantine and Slavic traditions, and by the dervishes *qalandars* in the Islamic world. The image of St. Francis of Assisi, who preached in one loincloth, is remarkable. However, in the case of the prince, the ligation was not designed for a provocative demonstration, illustrating the inner humility before God. Attention is drawn to the topos about the prince's generosity in the context of the traditions of the barbarian societies of the early Middle Ages. Generosity and gifts during the feast were among the most sought-after values of the ruler, both in the Scandinavian countries and in Eastern Europe.

Key words: Rus', early Middle Ages, Prince Vladimir, Thietmar of Merseburg, *lumbare venereum*, Byzantine asceticism.

